

Катерина Гечмен-Вальдек: «ЛЮБОВЬ ВНЕ ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА»

ЕЕ НЕИЗМЕННЫЕ КУДРЯШКИ И ШИРОКАЯ УЛЫБКА ВСЕГДА ДАРЯТ ОЩУЩЕНИЕ ПРАЗДНИКА. ПРИ ЭТОМ ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ОЧЕНЬ ДЕЛОВОЙ, АБСОЛЮТНО БЕСКОМПРОМИСНОЙ, ЖЕСТКОЙ, КОГДА ДЕЛО КАСАЕТСЯ ЕЕ ДЕТИЩ — ПРОЕКТОВ ИЛИ ПОДОПЕЧНЫХ. МОЖЕТ В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ БРОСАТЬСЯ НА АМБРАЗУРУ, КЕМ БЫ НИ БЫЛИ ЕЕ ОППОНЕНТЫ, КАК ПРОИЗОШЛО КОГДА-ТО В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ПРОГРАММЕ «СЕКРЕТ УСПЕХА». ОНА ВСЕГДА ВЕРИТ В УСПЕХ, В ПОБЕДУ И ЗАРАЖАЕТ ЭТИМ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЕЕ ОКРУЖАЮТ.

ред тобой баронесса — пусть не по крови, но ведь она уже столько лет вращается в среде настоящих аристократов. Никакой дистанции. Легко и уютно. Беседуем долго, несмотря на то что постоянно звонит телефон, последующие дела наслаиваются одно на другое. Но Катерина способна часами с азартом говорить о том, что ее волнует.

Катя, вы живете в безумном ритме, спите по четыре-пять часов. Но думаю, что постоянно так существовать вы не могли бы...

Безусловно! Такое происходит только в Москве. Я часто шучу, что работаю вахтенным методом, потому что абсолютно невозможно было бы так существовать все время — меня бы уже не было в живых (*смеется*). И поэтому только принудительная рекреационная повинность дома, когда я просто вынуждена соблюдать режим, потому что мне некуда бежать, дает силы на такие активные спринтерские забеги. В Австрии вся работа осуществляется только посредством телефона, что занимает, правда, значительную часть времени, а сейчас я еще отчасти освоила Интернет (*смеется*). Но эта дистанционная работа позволяет жить в нормальном режиме. Кроме того, в доме моего мужа существуют незыблемые вековые традиции, которые никогда не нарушаются. В частности, это совместные трапезы: семейные завтраки, обеды и ужины. Невозможно «не захотеть выйти» к ужину, потому что сама атмосфера в доме тебе этого делать не позволяет. Так что такая структура, по-хорошему жесткая, заставляет тебя жить нормальной человеческой жизнью.

МЫ ДОВОЛЬНО ДЛГО НЕ МОГЛИ ДОГОВОРИТЬСЯ О ВСТРЕЧЕ, ПОТОМУ ЧТО КАТЕРИНА, КАК ФИГАРО ТУТ, ФИГАРО ТАМ, НА ПРОТЯЖЕНИИ ДНЯ ОКАЗЫВАЛАСЬ В САМЫХ РАЗНЫХ КОНЦАХ ГОРОДА, УМУДРЯЯСЬ ВПИХНУТЬ В СУТ-

ки нереальное количество дел и завершая что-то далеко за полночь у себя в офисе. В этот момент еще возникла форс-мажорная ситуация: один из ее артистов, Алексей Воробьев, сломал руку на проекте «Лед и пламень». И одним из пунктов назначения стала больница. И это не что-то из ряда вон для нее. Такая она во всем. И в работе. И в отношениях с людьми, которым доверяют и которые ей доверяют. Мы встречаемся в ее офисе на одной из милых исторических улочек Москвы. Трудно поверить, что пе-

А привыкнуть к такой хорошей, но не совсем нашей жизни вам было легко?

Когда я говорю о том, что восемнадцать лет замужем, мне становится не по себе, потому что до сих пор меня не покидает ощущение, что это было вчера! Когда мы с мужем в Австрии поженились, решили, что на десятилетие нашей свадьбы устроим для всех наших друзей огромную вечеринку в России. Тогда нам казалось, что это какой-то заоблачный срок, что это будет в следующем веке. И не успели оглянуться, как это случилось — десять лет пролетели, как один день! Мы много на эту тему шутим. Кстати, нашей с мужем иронично-саркастичной манере общаться друзья по-хорошему завидуют. Например, сейчас, когда я вернулась из Китая в Москву абсолютно больная и оказалась здесь одна, потому что муж уехал возобновлять визу, я в телефонном разговоре сказала ему: «Все, птичий грипп. Жить осталось считанные часы, поэтому скоро ты овдовеешь и получишь наследство». На что мой муж мгновенно ответил: «Я не хочу наследство, я хочу продолжать мучаться!»

На каком языке вы с ним в основном общаетесь?

На английском. Говорим и по-немецки, но гораздо реже. А вообще людям этого круга все равно, на каком

НЕ ПОМОГАТЬ ТЕМ, КТО ПРИРОДОЙ СОЗДАН ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ВЫХОДИТЬ НА СЦЕНУ, ПРОСТО НЕЛЬЗЯ!

языке говорить, — язык часто зависит от темы разговора. Например, говоря о каких-то событиях или знакомых, связанных с Францией, они переходят на французский.

А русский язык муж хоть чуть-чуть знает?

Нет, он знает только несколько слов: «спасибо огромное», «Кати нет дома» и «давай, давай» (улыбается).

И вам не хотелось, чтобы он знал русский язык?

Просто не было такой необходимости, потому что для нас обоих английский язык как родной, мы думаем на нем. Забавно, что при этом есть сложности с синхронным переводом. При всем моем глубоком знании языка мгновенно найти русский аналог бывает не так просто, потому что я никогда не учила язык по словарю — эти два языка существуют у меня в сознании совершенно отдельно.

А как вы думаете, если бы вы не так свободно владели языком, могло бы у вас с мужем получиться что-то серьезное? Или любовь может существовать, хотя бы какое-то время, при минимуме вербального общения?

Мне трудно эту ситуацию смоделировать на себя, потому что у меня существует своя позиция: мне всегда комфортно в стране, на языке которой я не говорю.

И я с восхищением смотрю на людей, которые ухитряются не только с удовольствием отдыхать, но и вести бизнес в странах, языков которых не знают. У меня

с этим была бы огромная проблема. Поэтому, попав в Польшу, я через три месяца уже очень прилично говорила по-польски, а язык сложный. Правда, мне это было довольно легко: я с детства знала чешский (отец работал в Праге, где мы жили всей семьей), а языки эти похожи. Но у меня практически нет акцента — литовские поляки, например, принимают меня за аутентичную польку, потому что по-польски я говорю лучше них, и даже сами поляки думают, что я «своя», просто выросшая за границей! Но тому, что люди, выросшие в аристократической среде, с детства владеют тремя языками, можно только позавидовать. Именно так и надо воспитывать детей, потому что этим мы облегчаем им жизнь в будущем.

А если говорить о любви... Мне кажется, что любовь вне языкового барьера. Я знаю случаи, когда люди счастливо прожили вместе достаточно долго, прежде чем освоили языки друг друга. Но я думаю, что это возможно только в том случае, когда речь идет о серьезном чувстве, настоящей «химии» между мужчиной и женщиной. Когда включаются какие-то метафизические процессы, язык, наверное, становится глубоко вторичен. Правда, у меня в этом смысле нет собственного опыта. Я с трудом представляю себе роман с человеком, с которым не смогла бы разговаривать. Но, может быть, можно жизнь прожить и не разговаривать — это уж как кому нравится (улыбается).

Мне кажется, что, если ты любишь, то вдвойне хочется что-то сказать, поделиться, равно как и услышать...

Вы знаете, у всех людей разное отношение к языку. Я вообще к слову отношусь очень серьезно. Считаю, что это колоссальный инструмент. Именно поэтому при создании моих проектов труднее всего приходилось авторам русских текстов. И неслучайно такие легендарные, уже культовые поэты, как Юлий Ким, Юрий Рышенцев и Наум Олев по восемнадцать-двадцать раз переписывали каждый номер — они отлично понимали, какую непростую цель мы ставим перед собой. Я уверена, что текст музыкальных произведений — это своего рода звуковой узор, поэтому всегда стараюсь найти идеальное поэтическое звучание. Работая над нашей «Ромео и Джульеттой», Наум Миронович Олев признавался, что никогда в жизни не делал по восемнадцать вариантов одной песни. Я никогда не забуду, как однажды он позвонил мне и сказал: «Знаете, Катерина, я тут перечитываю «Ромео и Джульетту» в переводе Пастернака и все время слышу ваш голос: «Нет, Борис, «у гробовых дверей» — это совершенно невозможно, это не по-русски». Я действительно, «у гробовых дверей» никогда бы не допустила (смеется). И обладающий большим чувством юмора Наум Миронович добавил: «Как же парню повезло, что он закончил пьеску до того, как вы за нее взялись». А когда замечательный Юрий Евгеньевич Рышенцев узнал, что я начинаю работать над китайской версией «Метро», он точно так же сказал мне, полный сарказма: «Мне очень интересно, как же ты теперь будешь измываться над моим китайским коллегой — ты же не можешь оценить его китайский перевод!»

И это действительно будет большая проблема. Надо отдать должное этим трем нашим мэтрам: они, понимая, до какой степени слово, сказанное со сцены, для меня важно, всегда шли мне навстречу. А я абсолютно убеждена, что любое слово, особенно когда оно звучит со сцены, вызывает определенный набор ассоциаций, определяет тональность разговора со зрителем. А так как русский язык очень богат и обладает огромным количеством синонимов, то найти точное слово — крайне сложная задача. И для меня работа с этими тремя потрясающими поэтами была безумно интересным, просто фантастическим опытом. Почему я об этом рассказываю? Потому что я точно так же отношусь к речи и к слову вообще.

Для меня в отношениях не только с мужчинами, но вообще с людьми предельно важно умение правильно подать историю, поделиться впечатлениями. Это целый ритуал, когда люди, которые дружат, встречаются и рассказывают друг другу о вещах, которые им сейчас кажутся важными и интересными. Но это моя особенность и особенность людей вокруг меня, потому что, видимо, нас притягивает друг к другу одинаковое отношение к жизни. Для огромного количества людей язык является только передатчиком информации. И приклеивать ярлык, что правильно, а что нет, нельзя: как говорил мой дедушка, «каждый баран подвешен за свою ногу».

У вас хватает времени и сил на встречи с подругами и здесь?

У меня в жизни есть одна привилегия: я окружаю себя только теми людьми, с которыми я на одной волне. Это не значит, что с ними не может быть разногласий. Но когда люди вибрируют в одной тональности, у них общий вектор. Все мои настоящие подруги — из детства, и все они до сих пор со мной. Из важных жизненных приобретений не школьного возраста, а последних лет только Оксана Пушкина, Катя Рождественская и Ира Роднина — мы дружим вместе и стали по-настоящему близкими людьми.

Оксана — потрясающий друг. Мы можем неделями не видеться, но я всегда знаю, что есть человек, которому можно в любой момент позвонить и на которого можно положиться. Она относится к той категории людей, у которых вся система координат строится вокруг друзей. В любой момент, что бы ни оказалось нужно, она находит возможности для того, чтобы помочь. Я живу точно так же. И это касается не только меня лично, но и всей моей семьи. Мы знаем, что можем всегда друг на друга рассчитывать. Я часто сталкиваюсь с тем, что люди не верят в женскую дружбу. Я убеждена, что дружба — это внеполовая история. Просто есть люди, которые не доверяют никому и боятся дружить. Потому что дружить так, как дружим мы, — это талант. **Сегодня большинство даже не понимает, что значит дать слово, сдерживать слово, пообещать что-то вообще ничего не стоит...**

Да, это, к сожалению, общая тенденция, которая, на мой взгляд, должна вызывать гораздо больше опасений, чем экономическая ситуация в стране, потому что раз-

рушено любое понимание морали, обязательств людей друг перед другом и, самое главное, института семьи. А семья — это показатель состояния общества. Ведь абсолютно понятно, что в любой стране мира мужчина биологически существует по одним и тем же законам. Ему так же точно свойственны и кризис среднего возраста, и желание продлить молодость, и стремление испытать свежие эмоции, которые подарят ему ощущение настоящей жизни. Но все мужчины по-разному ведут себя в такой ситуации. И то, что сейчас вокруг нас все, за редким исключением, позволяют себе нарушать общечеловеческие законы, говорит о состоянии общества в целом, а не о моральном облике конкретных людей. Социальные табу все равно держат индивидуума в тонусе (*улыбается*). Человек, если он социализирован, не хочет быть изгоем. Поэтому прежде, чем нарушать понятия, связанные с честью, он хорошо подумает, потому что нормальное общество отторгает людей, нарушающих законы человеческой этики. А у нас не осуждают и спокойно подают руку тем, кто не держит слово, не возвращает деньги, обманывает партнеров, бросает детей и выкидывает на улицу немолодых жен... Более того, вот эта всеобщая толерантность приводит к пол-

Я ЖИВУ В ТАКОМ ЭПИЦЕНТРЕ МОЛОДОЙ ЭНЕРГИИ, ЧТО ВРЕМЯ ДЛЯ МЕНЯ НЕПОСТИЖИМЫМ ОБРАЗОМ ОСТАНОВИЛОСЬ

ной деградации в целом. И это очень опасно. Я думаю, что измениться это может только тогда, когда подрастет новое поколение. Многие из них получают образование в Европе, и, может быть, у них будет другое понимание ответственности человека за происходящее вокруг него. Сегодняшняя ситуация, на мой взгляд, удручает.

Мне кажется, что то, о чем мы говорим, еще более непростительно для мужчин. Для них слова «достоинство», «честь», «дать слово» должны значить очень много...

Безусловно! Я знаю много историй из семьи моего мужа, связанных с этими понятиями, которые для нас совершенно непостижимы. Это особенно остро проявлялось во время Второй мировой войны, когда австрийские офицеры автоматически стали офицерами вермахта. И это становилось причиной колоссальных трагедий. Многие сегодня мы просто не в состоянии понять. Например, кузен моего мужа, принц Шварценберг, один из братьев которого был отправлен в концлагерь за борьбу с нацизмом, будучи австрийским офицером, как раз оказался в такой ситуации и был вынужден продолжать служить в армии. И когда в Америке умер их родственник и его отпустили на похороны, вся семья умоляла его не возвращаться в Европу. Уже шла война, и было очевидно, что ему придется идти на фронт и сражаться на стороне вражеской для себя армии. А это противоречило его личным убеждениям: будучи

*Справа:
с Николаем
Цискаридзе на ге-
неральном прогоне
мюзикла «Ромео
и Джульетта».
На следующей
странице:
с мужем, бароном
Эристом
фон Гечмен-
Вальдек, на свадьбе
эригерцога
Леопольда
Габсбурга*

австрийским аристократом и католиком, он служил системе, которую ненавидел и которая расправилась с его семьей. Казалось бы, здравый смысл, мораль и этика давали ему полный карт-бланш остаться в США и не возвращаться в строй, где ты убиваешь на стороне неправого дела. Но он вернулся. И причина была только одна: он дал присягу! Сегодня это кажется глупым ребяческим романтизмом. Что такое присяга, как и что такое честь, сегодняшним мужчинам непонятно вообще.

Вы не раз говорили, что до того, как попали в круг аристократии, считали себя довольно свободной девушкой, а потом поняли, что по сравнению с ними это ничто. В чем заключается их настоящая внутренняя свобода?

Люди этого круга отличаются от нас кардинально. Нам кажется, что мы свободны, а на самом деле наша свобода — это просто отсутствие воспитания. Мы удивляемся: «Почему я не могу встать посреди ужина и походить сзади, говоря по телефону? Я же свободный человек. Мне надо поговорить». А для этих людей такой поступок — примерно то же самое, что задрать юбку, без всякого повода плюнуть в лицо человеку или вдруг зачавкать и запрыгать обезьянкой по кругу. По степени дикости для них это то же самое, даже если вы встали, извинившись. Нельзя даже объяснить почему — это прошито у них в генетическом коде! Так же как нельзя зайти, например, в лифт и не поздороваться.

Наши люди, услышав это, наверное, скажут, что это не свобода, а зажатость и глупые условности...

Конечно, на самом деле наша свобода — это, повторяю, отсутствие воспитания и дурной тон. А настоящей внутренней свободы нет вообще. И то, что мы не здороваемся и не улыбаемся, как раз свидетельство полной нашей внутренней несвободы. А как у нас себя ведут дети?! Мы совершенно не в состоянии их воспитывать. Я много раз пыталась понять, как это происходит там. Но их никто не воспитывает. Их воспитывает сама атмосфера вокруг. Они с детства не видят других примеров.

Так происходит только в этой среде?

Я живу в определенном кругу и поэтому не очень знаю, как живут другие.

А в кругу людей искусства?

В Москве мой муж испытал много потрясений. Одним из самых первых был наш совместный визит на двадцатилетие свадьбы наших друзей, известных в России людей. Там собралась вся творческая элита. При чем это была не светская тусовка, которая пришла, чтобы отметить из вежливости, — все люди были неслучайными, друзьями. Был ужин. И мой муж с изумлением наблюдал, как люди, посидев часок, просто вставали и уходили. По степени неуважения к хозяевам это просто запредельный поступок. Представить себе, что нормальный европеец, не говоря уже об аристократии, — да просто люди больше, чем с двумя классами образования, — придя к друзьям на событие, на которое были потрачены силы и деньги, даже не дождавшись десерта, встанет и свалит... После такого поступка этих людей никто и никуда больше не позовет. Правда, там никогда и не встанут. А у нас это норма жизни. Ну, а что такого? Это всяческое отсутствие понимания общечеловеческих законов, неумение общаться, неумение дружить, полное неуважение друг к другу и отсутствие каких-либо жизненных ориентиров. Но то, что на самом деле является полной свободой, в нашем сегодняшнем обществе отсутствует. У нас людям очень важно, что о них подумают. Им очень важно, например, во что они одеты. Им предельно важно, на какой они машине, какие у них часы и соответствуют ли они статусу. Им кажется, что если у них не те часы, не та машина, не той марки сумка, то, наверное, люди подумают, что они никто. А там свобода заключается в том, что люди отлично понимают, что их ценность заключается в них самих. Вне зависимости от того, что на них надето. Знаете, мне иногда говорят: «Какая на вас потрясающая вещь», а я отвечаю, что это H&M (одна из демократических европейских марок одежды. — Прим. ред.). И все

удивляются: «Зачем вы это рассказываете?!» — «А почему нет? Я — это я!» Главное не то, какое на тебе платье, а то, какое у тебя при этом лицо. Это полная свобода от условностей. И абсолютная уверенность в себе. С одной стороны, мы себя ведем как хозяева жизни, с другой, если на нас не написано «Шанель», нам кажется, что мы недостаточно ценны. А знаете, что сейчас происходит? Теперь многие не покупают, например, настоящую сумку «Шанель», потому что такую же китайскую подделку продают в переходе — а вдруг люди подумают, что у них подделка? Представляете, какая сложная комбинация! Но если тебе нравится сумка, какая разница, кто и что подумает? Это чудовищная несвобода от общественного мнения, которая при этом сосуществует с полным равнодушием общественного мнения к человеческим поступкам. Как это возможно в одном обществе? Я на это смотрю с изумлением, и мне интересно, куда это нас приведет.

Вы как-то сказали, что у наших мужчин все, чем они занимаются, построено на амбициях, честолюбии и тщеславии — в отличие от женщин.

Да, это так. Но это тоже неплохо. У каждого человека свои собственные мотивы. И что бы ни заставляло человека действовать, главное, что это прогрессивный вектор, что он движется вперед. Но почему женщины все чаще дышат в затылок мужчинам в самых серьезных сферах? Одна из причин в том, что женщина, в отличие от мужчины, умеет приносить собственные амбиции в жертву делу.

А что чаще всего двигает вами? И что было побудительным мотивом заняться продюсерской деятельностью, создавать у нас первые мюзиклы?

У меня всегда есть страстное желание реализовать свою цель. И у меня есть одно качество, которое мне очень в этом помогает, — я никогда не воспринимаю слово «нет» как поражение. В любой ситуации сразу ищу выход в сторону позитивного результата, то есть всегда продолжаю двигаться вперед. Когда я начала делать свой первый мюзикл, «Метро», никто не верил в то, что

НАШЕЙ С МУЖЕМ ИРОНИЧНО- САРКАСТИЧНОЙ МАНЕРЕ ОБЩАТЬСЯ, ДРУЗЬЯ ПО- ХОРОШЕМУ ЗАВИДУЮТ

проект такого уровня можно осуществить в России. Но мне страстно хотелось не только собрать энергию целого поколения и дать молодежи возможность высказаться и быть услышанной, но и продемонстрировать, что и у нас может существовать развлекательная индустрия высокого, по-настоящему мирового уровня и что все лучшее и самое современное, существующее в этом жанре, можно объединить с русской театральной традицией.

Мне кажется, для вас одним из стимулов является увлеченность, влюбленность и в проект, и в людей. А многое сегодня делается бесстрастно, с прагматичными целями, преследуя цифры...

Я не просто чувствую ответственность за тех, кого «приручила». Ведь именно этим ребятам я обязана славой своих проектов. Поэтому мой долг — дать им состояться под собственным именем. Я никогда не стремилась к продюсированию артистов — заниматься любимыми частными историями так же трудоёмко, как делать огромные проекты уровня «Метро» и «Нотр-Дам». И жизни жалко на то, чтобы заниматься тем, что нужно искусственно создавать. Но не помогать тем, кто природой создан для того, чтобы выходить на сцену, просто нельзя! По-настоящему талантливые ребята в нашем шоу-бизнесе опасны, потому что их появление дискредитирует уровень в целом совершенно профнепригодной российской эстрады. Посмотрите, сколько лет понадобилось тульскому самородку Леше Воробьеву, чтобы пробиться через эти кордоны сопротивления и открыть заваренные автогеном

двери! А ведь он уже в шестнадцать лет победил на Дельфийских играх! Так что для ребят, попавших в мои руки, я становлюсь своего рода щитом между ними и жесткой реальностью шоу-бизнеса. Ведь почему сегодня в этой среде так много алкоголиков, наркоманов и артистов, вынужденных скрывать правду о себе? Потому что они прошли очень тяжелый путь, прежде чем попасть наверх. И когда они оказываются там, куда столько лет шли, они оглядываются назад и понимают, что цена, которую они за это заплатили, и внутренний позор (потому что ты-то знаешь, чем ты поступил, и жить с этим очень тяжело) слишком велики. Я показываю своим артистам, что можно добиться результата, ничем не поступаясь. Это будет дольше. Это будет гораздо тяжелее, но результат, который вы получите, будет более долгосрочным. Он будет достойнее, и он не разрушит вас. Проблема опять-таки та же: талантливый человек здесь сегодня не нужен никому. Ни в одну картину не взяли бы Сережу Романовича из Томска, исполнителя одной из главных ролей в сериале «Побег», потому что ему негде было жить в Москве — да, это трудно себе представить, но продюсерам масштабных картин тяжело заплатить за общежитие для мальчика из Томска. Лучше взять кого-нибудь похуже, но из Москвы, потому что это дешевле. Если этим ребятам не помогать, у них не было бы шанса. Поэтому, снимаясь в «Побеге», Романович жил у меня. У продюсеров есть иллюзия того, что можно в обертку завернуть и продать любое. И в этом, к сожалению, вина телепроектов, которые породили огромное количество музыкального продукта, который рьяно охраняет свою территорию, потому что любой реальный талант, от которого идет энергия, дискредитирует их, выходя рядом на сцену. Это огромная проблема. И поэтому, пока поколение, порожденное этими проектами, не уйдет, талантливые дети на сцену не пробьются. А наши сегодняшние звезды зачастую просто беспомощны. После концертов к Леше Воробьеву часто подходят коллеги и спрашивают: «Как это ты поешь (Воробьев не поет под фонограмму даже в телевизионных эфирах, только живьем!), танцуешь и не сбиваешь дыхание?!» Но ведь это базовые данные для прихода в профессию! Все остальное уже потом.

Многие из молодых отказываются на телевизионных программах, встречах даже пару фраз спеть, мотивируя разными причинами, в том числе «мой принцип — я бесплатно не пою»...

Ужас! То же самое могу сказать об отношении к зрителям, поклонникам. Однажды я видела, не буду называть, нашу молодую группу, к которой подошла четырнадцатилетняя девочка и сказала: «У меня день рождения. Можно я с вами сфотографируюсь?», и они абсолютно по-хамски ответили: «Пошла вон отсюда». Это тоже вопрос этики. Я видела, как, например, в аэропорту Лос-Анджелеса известнейший американский фигурист вел себя с людьми. А ведь он куда-то летел, у него были свои дела, и мы не знаем, какое у него было настроение. Но когда к нему под-

ходили и просили автограф или сфотографироваться, он спокойно, с улыбкой, вежливо выполнял все просьбы, потому что это его работа и это часть ответственности за его звездный статус. И как бы он ни устал, как бы ни торопился, как бы ни хотел выпить кофе, он не имеет права отказывать поклонникам — и человек сразу включался, расцветал, улыбался, потому что его зрители должны получить его таким, каким они его знают, любят и хотят видеть. И я с этим на Западе сталкивалась не раз.

Но у нас тоже есть люди, которые ведут себя так же. Я считаю, что все зависит от самого человека.

Да, конечно, но там сама индустрия не допускает такого поведения.

Мы говорили о том, почему и чем вы занимаетесь. Никогда не было, что понимали в пути, что это не то дело или не тот человек и лучше свернуть сейчас?

Нет, с выбором я редко ошибаюсь и никогда не брошу начатое. И хотя, как я говорила, очень важны единомышленники, я привыкла рассчитывать на себя. Это моя проблема, потому что нужно уметь делегировать ответственность!

ДА, Я ОЧЕНЬ НЕ ЛЮБЛЮ, КОГДА ПРОИСХОДИТ НЕ ПО-МОЕМУ, НО В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ БУДУ ДЕЙСТВОВАТЬ И ПРИБЛИЖАТЬ ПОБЕДУ

Прочла одно ваше выражение: «Я согласна терпеть сколько угодно, если в конце концов все будет по-моему». Но так любой бы согласился...

Но то, что будет в конце, зависит только от нас. Я абсолютно убеждена в этом. Я не из тех, кто терпит и ждет, пока в итоге все сложится, как нужно. Для меня нестерпим мгновенный результат, а так как это, как правило, нереально (*улыбается*), я иду к нему семимильными шагами, стремительно. Повторяю, что в любой ситуации сразу ищу выход. Вообще считаю, что нерешаемых ситуаций практически не бывает. Да, я очень не люблю, когда происходит не по-моему, но в любом случае буду действовать и приближать победу. Каждый день должен быть шагом вперед!

Вы как-то сказали, что до сих пор так и не почувствовали себя взрослой женщиной, что, по-моему, замечательно...

Видимо, я живу в таком эпицентре молодой энергии, что время для меня каким-то непостижимым образом остановилось. Но сегодня в мире все очень изменилось, и возраста больше не существует — существует только то, как ты сам себя ощущаешь. Мой муж, например, говорит, что, если бы в свое время его друзья зашли в дом и сказали его отцу: «Привет!», тот просто умер бы от разрыва сердца. А друзья нашего сына приветствуют моего мужа именно так, и, как видите, все остаются живы!

Марина Зельцер